

Константин Сизов
Татьяна Белова

Гомер против Одиссея

*Расследование
великой
мистификации*

Константин Сизов

**Гомер против Одиссея.
Расследование великой
мистификации**

«Издательские решения»

Сизов К.

Гомер против Одиссея. Расследование великой мистификации /
К. Сизов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747863-6

Помните «Илиаду» и «Одиссею» Гомера? Попробуем отнестись к ним не так, как привыкли:— не как к эпическим поэмам,— не как к сборникам сказок — и даже не как к правдивому описанию реальных событий. А как к первым в истории детективным произведениям: о тайне великой мистификации, где переплелись коварные преступления и удивительные приключения. Кто украл Елену Прекрасную? Чем закончилась троянская война? Где же носило Одиссея десять лет? Ответы на эти и другие вопросы — здесь!

ISBN 978-5-44-747863-6

© Сизов К.
© Издательские решения

Содержание

1. Как Гомер свои поэмы сочинял	6
2. Как Одиссей домой возвратился	10
3. Как яблоко к войне привело	17
4. Как мы вопросы задавали	23
5. Как мы предположения строили	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гомер против Одиссея Расследование великой мистификации

**Константин Сизов
Татьяна Белова**

© Константин Сизов, 2017

© Татьяна Белова, 2017

ISBN 978-5-4474-7863-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Как Гомер свои поэмы сочинял

Древняя Греция. Вернее, Эллада. Так сами греки называют свою страну. Хотя, какие греки? Эллины!

В древности они называли себя также **аргивянами** – жителями Аргоса. Так назывался не только город, но и царство, некогда охватывавшее почти весь полуостров Пелопоннес. Или **данайцами** – в честь легендарного аргосского царя Даная, внука бога морей Посейдона. А еще **ахейцами** – первой волной эллинов, принесенной океаном времени. Считается, что ахейцы первыми создали великую культуру в Элладе. Молодую, яркую, сильную, с удивлением замеченную (а пришлось!) не только ближайшими соседями, но и тогда уже древними Египтом, Ассирией, и даже далекой Индией.

Строго говоря, все эти три названия касались лишь греков Пелопоннеса. Но именно это удивительное и прекрасное место было – если не колыбелью, то уж точно детской комнатой ВСЕЙ Эллады. Полной интересных и таинственных уголков, просторов для шумных игр и забав: сражений и пиров, торговли и разбоя.

Эллада!.. От одного дивного напевного звучания захватывает дух. Эллада!.. Женщины невиданной красоты и отважные воины, неслыханной силы и ловкости... Подвиги героев, не только недоступные, но даже невообразимые для простых смертных... Боги, покровительствующие самым отважным. И, кстати, не только покровительствующие, но и позволяющие себе запросто заглянуть в гости к смертным, на чашечку чая.

Хотя, нет! Чаю тогда еще и не пробовали. По крайней мере, в Элладе. Ну, не на чашечку чая, так на чашу древнеэлладского молодого игристого... Но это мы отвлеклись!

Так на чем остановились? Ах, да! Эллада!.. Источник удивительной культуры, в которой все переплелось: философия и ремесло, науки и искусства, огненные страсти и сдержанная мудрость...

Здесь почти каждый – мыслитель, художник, поэт...

Здесь пахарь, идущий за сохой, мог оказаться местным царем! Вот, решил детишкам показать, как правильно быка направлять. Тогда и борозда прямой выходит!

А деревенский гончар обжигал такие кувшины, что спустя сотни лет при одном взгляде на них у выдавших виды знатоков загорались восхищением глаза!

Здесь раб мог оказаться мудрым философом, к которому даже цари обращались за советом.

Или вдруг пастух, сидевший под оливковым кустом в тенечке, начинал наигрывать на свирельке – сиринге по-гречески – такое... для чего и слов нет. И оказавшаяся случайно неподалеку богиня вдруг замирала, позабыв, куда и зачем направлялась... Так и не вспомнив, подходила тихонько, присаживалась на травку и слушала, слушала напевы дудочки...

А что!?! Надо же и ей когда-нибудь отдохнуть от повседневной рутины в надоевших Олимпийских чертогах. Да и божественный супруг что-то чересчур задержался в гостях у земной красотишки. Якобы по делам. Знаем мы эти дела! В результате так и жди появления нового героя.

Маленькая справка. Кого мы сейчас героями называем? Того, кто совершает подвиги. У нас героями не рождаются. Героями становятся. А вот в Древней Греции совсем наоборот дело обстояло. То есть героями как раз и рождались. Герой в Древней Греции – это плод любви какого-нибудь небожителя и земной красавицы, которой выпало такое счастье. Или несчастье, это уж, как ею судьба распорядится... Или – как она сама посчитает. Короче, привлекла эта смертная внимание высокопоставленного – в смысле поставленного высоко, на самую вершину горы Олимп, – представителя божественной власти. Ну, не обязательно, на самую вершину...

Да и богини также, бывало, привлекались вниманием... Понятно, герои уже в силу своего полубожественного происхождения обязаны были совершать что-то выдающееся. Иначе кто ж поверит в их отличие от простых смертных?! А заодно, кстати, в законность их вполне земных притязаний. Дело в том, что героями часто называли себя сомнительные сыновья местных царей. Надо отметить, что в маленькой (по размерам, но не по влиянию!) Элладе этих самых царств было видимо-невидимо. А царьков (по-гречески «василисков») еще больше – по нескольку штук на каждое крохотное царство. Нет, то, что матерью такого «героя» была местная царица, ни у кого сомнения не вызывало. Оно и понятно – не на служанку же какую-нибудь, в самом деле, растрчивать свою благосклонность небожителю с Олимпа? Но свое происхождение от Зевса или Аполлона, а не от первого царского советника (или даже от местечкового «мачо» конюха), еще надо доказать. Вот и приходилось героям искать на свою геройскую репутацию приключений...

А поскольку боги в Элладе были бессмертны, то и героев расплодилось... без счета. И всем подвиги нужны... Вот и настало время, когда все чудовища были истреблены, злодеи наказаны, враги побеждены. Не считать же подвигом – прямому потомку Громовержца Зевса или Колебателя Земли Посейдона – участие в местечковых разборках! Так, где же их взять, подвиги, достойные настоящего героя? Вот отсюда и пошли проблемы... Но об этом позже.

А пока почему бы и не послушать свирель заскучавшей богине, сидя под оливковым кустом (тьфу ты, конечно, деревом) с молодым и привлекательным пастухом?

А козы с овцами сами по себе паслись. Оно и понятно. Какой уж тут присмотр за скотиной, когда такая слушательница рядом? Да и вообще, не за тем на свежий воздух свободный эллинский пастух со своей свирелью вышел, чтоб скотину пасти. Возвышенное состояние духа у него. С самого утра, между прочим. Вдохновения он жаждет. Чтобы такую мелодию на своей дудочке вывести, какой и не слыхивал доселе ни один смертный. Да и бессмертный тоже не слыхивал. Вот и сидел пастух весь день на своем холмике, мучил свою дудку. И вдруг... Она! Муза! Не увидел, нет... Почувствовал! С закрытыми глазами ощутил ветерок волшебных крылышек! И полились из обычной в Элладе тростниковой свирели-сиринги... нет, не просто звуки, а МУЗЫКА. Та самая, никем не слыханная. И замерли звери и птицы. И склонились цветы. И застыли облака в небесах. И сама богиня приблизилась неслышно невесомыми шагами, присела тихонечко рядом. И... заблела под боком глупая овца. Спугнула вдохновение, бессмысленное животное! Вместе с музой, между прочим, спугнула. Вспорхнет муза на радужных крылышках, и поминай, как звали. И опять сидит пастух под оливковым... ну, да, деревом, и тонет, тонет в глазах богини, да мекают вокруг него бестолковые овцы, до которых пастуху теперь уж точно дела нет.

А отсутствие присмотра за скотиной привело-таки к печальным последствиям! Объели козы да овцы всю зелень в Греции! То есть, в той самой Элладе. Можно сказать, поставили страну на грань экологической катастрофы! Хорошо древние времена закончились, и богини да музы перестали отвлекать пастухов от их прямых обязанностей.

А еще в Элладе жили поэты. Было их много и разных. Аэды, например. С них-то все и началось. Ну, это что-то вроде наших современных «бардов». Странствующие или имеющие постоянного покровителя. Сами сочиняли стихи, сами их и исполняли, вернее, распевали на пирах да на праздниках. Ну, заодно прославляли и организатора пира – какой, мол, щедрый да благородный хозяин собрал их на такое роскошное празднество. Оно и понятно – не похвалить хозяина, так в следующий раз и не пригласят на хлеб, вино и что там еще боги пошлют.

Потом появились поэты покруче – те, которые сочиняли пьесы для театра. Особым почетом пользовались трагики. К трагедиям вообще у древних греков было особое отношение.

И возвышенно, и слеза прошибает, и катарсис (душевное очищение) обеспечивает. Это Вам не комедия!

Впрочем, и комедией древние эллины тоже не пренебрегали. И на представления являлись исправно. На то она и комедия! Не столь возвышенные чувства, конечно, пробуждает, но приятные.

А еще среди поэтов часто объявлялись конкурсы. Вместе со славой и почетом победитель получал и материальное вознаграждение. Так многие поэты весьма преуспели и прославились. И даже имена некоторых самых выдающихся, пережив века, дошли и до наших дней. Отцы трагедии: Эсхил, Софокл, Еврипид. Ну, и этот, как его... комедиант... Аристофан!

Словом, поэты в Элладе пользовались почетом и уважением.

Но был среди них ОДИН. Самый-самый... Самый известный, самый почитаемый. Он не писал пьес, не ставил их на сценах столичных театров. Он просто ходил по городам и весям. А может, всю жизнь прожил в одном древнеэллинском городе. Но он рассказывал удивительные истории. О богах и героях. О женщине, чья красота заставила греков целых десять лет осаждать далекий заморский город и биться насмерть. Свою и чужую. Об отважном и мудром воине, любимце самой великой богини Афины-воительницы. Герое, чья хитрость, в конце концов, и помогла одержать победу над неприступными стенами далекой крепости. О пути домой этого самого героя. О пути, полном таких неслыханных опасностей и приключений, что при рассказе о них кровь стыла в жилах доверчивых слушателей.

Да, это он – Гомер! Поэт, чьи песни заставляли жителей целых городов собираться на площадях и, затаив дыхание, слушать дивное повествование. Тот самый, воспевший богов и героев, чудовищ и прекрасных нимф.

Только есть еще одна мелочь. А если подумать, так и вовсе не мелочь. Великий Гомер был... совершенно слепым.

Легко ли было выжить и не просто выжить, а прославиться – слепому в Древней Элладе? Оно и сейчас непросто. Невзирая на пособия и льготы, психологическую и материальную помощь.

А тогда любая помощь имела четкий «обратный адрес»: знай, кто тебя кормит – и требовала обязательной отработки. Причем такой отработки, какую потребует «заказчик».

К чему все это? А вот к чему.

Мы, авторы того, что Вы сейчас читаете, оба уважаем хороший классический детектив. Когда все зависит от внимательности и умения мыслить.

Внимательно читая гомеровские поэмы «Илиаду» и «Одиссею», можно обнаружить в них массу нестыковок, противоречий и странностей.

Можно было бы это объяснить последующими (после Гомера) переработками текста многочисленными певцами-рапсодами, профессионально, но, не особенно вникая в смысл, исполнявшими его песни. Сомнительно. Поскольку, скорее всего, эти песни были записаны еще при жизни Гомера либо немногим позже, и тексты почти сразу стали считаться «классикой» [25]. Выбросить кусок или – страшно сказать – вставить что-либо от себя считалось проступком. А временами знатоки посвящали годы своей жизни очищению великих творений Гомера от накопившихся за столетия искажений.

Закрадывается одно шальное предположение: а что, если сам автор сознательно заложил или не стал устранять из исходного материала (сказки, легенды, тосты) эти нестыковки, противоречия и странности?

События греко-тройанской войны предположительно происходили века за четыре до Гомера. Достаточный срок, чтобы все о них позабыли. И за это время был создан миф о тройанской войне, известный каждому эллинскому мальчишке. И все были уверены, что ИМЕННО ТАК все и происходило.

Мог ли позволить себе молодой Гомер (тогда просто слепой певец-сказитель, один из многих «путающихся под ногами попрошаек») петь о троянской войне что-либо противоречащее общепринятым представлениям? Скорее всего – нет. Если не хотел быть с позором осмеянным, изгнанным, в общем, лишенным средств к существованию.

А если вдобавок учесть, что Гомер (Ὅμηρος) означает «заложник» [21]. И, скорее всего (как мы предполагаем), это не имя, а прозвище либо псевдоним. Образованность Гомера, его осведомленность в воинском деле показывают его происхождение из знатного рода. Возможно, он был похищен либо захвачен в плен. Либо его родители были вынуждены отдать мальчика в заложники, чтобы он был гарантией их послушного поведения. В любом случае отдали его не добровольно, иначе – какая же из него гарантия. Судя по красочным описаниям в его поэмах, великий греческий поэт не родился слепым. А вот заложника за строптивное поведение или чтобы не смог сбежать, вполне могли... В общем, не рекомендовалось ему привлекать к себе *ненужное* внимание.

Возможно, Гомер знал больше, чем рассказал. Возможно, его отношение к этим событиям было несколько иным, чем у его слушателей. Или сами события были иными, но не мог о них петь Гомер, будучи безвестным слепым аэдом. И, даже будучи аэдом, прославленным по всей Элладе, не мог себе этого позволить. Либо не решился ничего изменить в своих сложившихся, ставших привычными, таких безупречных строках гекзаметра.

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»

(Гекзаметр – это особый ритм, в котором в Древней Элладе читали певцы свои стихи. Короче, *рэп* того времени.)

Попробуем все-таки выяснить: о чем мог умолчать Гомер?

Для этого нам придется обратиться не только к «Илиаде» и «Одиссее», но и к другим источникам информации. И, в первую очередь, – к... ОБЫЧНОЙ ЛОГИКЕ.

Однако всегда и повсюду мы будем отдавать предпочтение текстам Гомера. Поскольку принимаем за исходное положение, что ГОМЕР ХОТЕЛ ДОНЕСТИ СВОЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ НА СОБЫТИЯ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ, ОТЛИЧНУЮ ОТ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ. И ДЛЯ ЭТОГО ИСПОЛЬЗОВАЛ ТЩАТЕЛЬНО ВЫВЕРЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ, СТРАННОСТИ И НЕСТЫКОВКИ.

2. Как Одиссей домой возвратился

Начнем с конца, с самых последних по времени событий, о которых рассказывается во второй части дилогии Гомера – «Одиссее».

Обстановка: маленький островок Итака. Народу и так мало, а тут большинство работающих сильных мужчин забрали на войну, которая их вообще не касалась. Разве что некоторым из молодых да горячих хотелось на мир посмотреть, себя показать. Но идти на смерть... Всего лишь потому, что местный царек кому-то что-то пообещал... И вот, спустя много лет возвращается этот самый царек. ОДИН, БЕЗ ВОЙСКА, БЕЗ ОРУЖИЯ И БЕЗ ЩИТА (что, вообще-то, считалось позором – и не только у спартанцев), но главное – БЕЗ ДОБЫЧИ. Звать его Одиссей. Известен своими хитроумием и красноречием. А эти два качества просто-таки необходимы для того, чтобы породить талантливую и убедительную «историю».

И вот сотни соотечественников Одиссея, отцов и матерей, братьев и сестер, сыновей и дочерей тех, кто ушел на войну и не вернулся, завидев ТАКОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ своего правителя... Выберем правильный ответ:

1. Радостно его встречают.
2. Стараются не замечать.
3. Приступают к допросу с пристрастием и угрозой его, Одиссея, безвременной кончины.

Подсказка: сам Одиссей, не дожидаясь встречи с верноподданными, изменил внешность.

Зачем?! Или он не царь, чтобы бояться своего народа?! Действительно, чего бояться герою-победителю, которого с нетерпением ждут в родном царстве? Так что внешность Одиссея изменил якобы не сам, а лично богиня Афина позаботилась скрыть его истинный облик. Да-да, та самая Афина, богиня мудрости, которая родилась из головы Зевса-громовержца, причинив ему немалую головную боль. От мудрости часто голова болит, ибо, как сказал другой великий поэт: «Умножая мудрость, умножаешь скорбь...» Однако вернемся к Одиссею. Если бы не Афина, да разве стал бы он менять свой облик!? Впрочем, спорить Одиссей не стал. Изменив внешность, он получил возможность не только отсрочить торжественную встречу с народом, но и скрытно выяснить обстановку.

Оказалось, что его верной жене Пенелопе докучают многочисленные женихи. Ну, этих-то понять можно. С одной стороны – хозяина дома нет. Десятилетняя война, в свою очередь уже десять лет как окончилась, а царь домой так и не вернулся и ничего о нем не известно. Так что его власть и все его добро лежат, можно сказать бесхозные – только руку протяни. А с другой стороны – власть, даже на таком островке, так просто не захватишь, требуется подобие законности. Тем более, что силенок для узурпирования власти, наверняка оказалось маловато – не будем забывать, что самых сильных на упомянутую войну и забрали.

Но даже против этих шакалов Одиссей не решается выступить открыто. Слишком их много. По тексту «Одиссеи» одних женихов можно насчитать сто восемь штук [4. л. 247—253]. (В переводе Жуковского [2b] получим сто шестнадцать. Но это случайная ошибка мастера!) Добавим сюда штук 10 прислуги. Прихватили даже «товарищей, в разрезании мяса искусных». А если подсчитать по Аполлодору – так целых сто тридцать шесть штук одних женихов получим [5. Эпитома. VII, 26—30]. (Почему в штуках? Ну, не по головам же их считать! Это мы оставим Одиссею! А в «человеках»? Это здоровых молодчиков-то, упрямо домогающихся одинокой женщины? Которая, к тому же, намного их старше. И так на протяжении *нескольких лет*? Конечно, бывает любовь «несмотря ни на что». Но здесь, как нам кажется, не тот случай. Это стая, ведущая загонную охоту! Или все-таки – стадо?)

Так что предосторожность мудрой Афины с изменением облика нашего героя оказалась вполне оправданной. И теперь Одиссей, воспользовавшись законами гостеприимства, по которым даже его, безвестного нищего бродягу допускают на пир, дожидается удобного момента.

Что, правда, не избавляет его от грубых шуток, точнее, откровенных издевательств со стороны некоторых из пирующих. Однако Одиссей продолжает терпеливо наблюдать: за женихами и слугами, за женой Пенелопой и сыном Телемахом, за знаменами богов.

Ну, женщину тоже понять можно. Ждала-ждала. Сначала десять лет войны. Потом еще долгие годы неизвестности – ни от мужа, ни о муже ни слуху, ни духу. А, между тем, поклонники одолевают – спасу нет! Сначала Пенелопа избрала тактику сталкивания противников между собой: никому напрямую не отказывая, подавала *«надежду всем и каждому порознь»* [2b. II, 90—91]. Эффективно, но лишь пока претенденты не выяснят все-таки отношения между собой и не придут к выводу, что их морочат. Пенелопе помогло довольно долго продержаться только большое число жаждущих власти. Когда же совсем обложили – прямо в собственном доме – придумала такую хитрость:

*«Не торопите со свадьбой меня, подождите, покамест
Савана я не сотку – пропадет моя иначе пряжа! —
Знатному старицу Лаэрту [отцу Одиссея] на случай, коль гибельный жребий
Скорбь доставляющей смерти нежданно его здесь постигнет, —
Чтобы в округе меня не корили ахейские жены».*
[2a. II, 97—101]

Согласились женихи подождать. И вот ТРИ ГОДА Пенелопа днем ткала саван, а ночью распускала работу.

(Заметим в скобках, что то ли с отчаяния, то ли по какой еще причине, но повод Пенелопа придумала своеобразный. Одинокому «старцу Лаэрту», действительно, как мы увидим позже, было за восемьдесят, а это и по нашим временам немало! Но – живет он не в царском дворце, а в маленьком домике с несколькими старыми слугами!

*«... Ни хорошей кровати,
Ни одеяла старик не имеет, ни мягких подушек.
В зимнюю пору он в доме ночует с рабами своими
В пепле, вблизи очага, покрывшись убогой одеждой.
В теплую ж пору, как лето придет иль цветущая осень,
Он в виноградном саду, где попало, на склоне отлогом
Кучу листьев опавших себе нагребет для постели, —
Там и лежит».* [2a. XI, 188—195]

Будь женихи повнимательнее, они могли бы сразу заметить Пенелопе, что ее забота о старике лучше бы выражалась в другом, пока он еще жив...)

В конце концов, с помощью то ли продажной служанки, то ли коварной подружки разоблачили женихи хитрость Пенелопы с саваном и стали донимать больше прежнего.

Да и это бы еще полбеда!

Но все это время (ВСЕ ГОДЫ!) женихи живут во дворце Одиссея, пьют его вино, едят его свиней, овец, коров, распоряжаются его имуществом и рабами, как своими собственными.

«Только одно на уме вот у этих – кифара [вот так греки обогатили мировую культуру сразу двумя вещами: словом «гитара» и инструментом, который они этим словом называли – лирой] да песни.

Немудрено: расточают они здесь чужие богатства».
[2a. I, 159—160]

А чего стесняться!?! Хозяина дома нет, сын Одиссея – Телемах – вырос без поддержки, а главное – без примера отца, слишком неопытен и не может дать отпор распоясавшимся поклонникам беззащитной женщины. К тому же, повторим, многовато их.

Так что, увидев, что еще немного – и все ее добро пойдет прахом, а сама она – по миру милостыню просить, Пенелопа соглашается, наконец, выбрать нового мужа. Но не просто так – а назначает соревнование между женихами. Дескать, хочет быть уверенной, что в лице буду-

щего супруга обретет долгожданного защитника. Словом, только победитель в соревновании получит и руку Пенелопы, и все ее имущество. «А никто не победит, значит – нет достойных. Все вон пошли! Пожа-алуиста...» Женская хитрость. К сожалению, бессильная против мужской наглости.

Суть соревнования была в том, чтобы, согнув его, Одиссея, лук, надеть тетиву. После чего пустить стрелу так, чтобы она пролетела сквозь 12 колец...

По крайней мере, так нам сообщает в своем переводе «Одиссеи» Василий Жуковский [2b. XXI, 75—77]. Но в переводе Викентия Вересаева – вместо колец – топоры. Кстати именно так у Гомера (мы лично в этом убедились): *πελέκεων δωοκαίδεκα* – «двенадцать топоров».

Греческий «пелекус» (*πελέκυσ*) – это даже, скорее, двойная секира, чем топор.

Перед соревнованием сын Одиссея Телемах вырывает РОВ и ВКАПЫВАЕТ в него топоры, выравнивает их по шнуру и УТАПТЫВАЕТ землю [4. ф, 120—122]. Но как, Зевса ради, можно прострелить 12 топоров?! Вы смотрели один (или даже несколько) из многочисленных фильмов о приключениях Одиссея? Вам кажется, Вы знаете ответ? Возможно, Вам повезло, и Вы видели что-то, чего не видели мы! Поищем ответ вместе. Но – опираясь на Гомера, внимательность к мелочам и умение делать СВОИ выводы, а не использовать чужие.

Женихи, как и ожидалось, задание позорно провалили! Даже тетиву на лук натянуть не смогли! Что и не удивительно – воины из них были никудышные – даром, что ли всю войну дома просидели, а последние годы, так и вовсе только и делали, что пировали за одиссеев счет, и тяжелее кубка с вином ничего не поднимали. И потому быстро устали (некоторые – заранее, даже еще не коснувшись лука) и решили передохнуть. Отложить соревнование до завтра.

Убедившись, что никто из них ему не конкурент, Одиссей просит и ему дать лук. И даже тогда, когда – после долгих насмешек – это грозное оружие оказывается у него в руках, не торопится объявлять, кто он есть на самом деле.

А лук, надо сказать, по тем временам был, действительно, более чем серьезным доводом, даже против толпы. Особенно, если в ней ни одного воина.

Этот лук, кстати, для царя Итаки был особенным. Вы наверняка уже обратили внимание на то, что Одиссей не взял его на войну. Лук был памятью, подарком друга, вскоре погибшего. Можно себе представить, что чувствовал Одиссей, когда женихи ЕГО жены, натерев салом, грели над костром ЕГО лук, подарок ЕГО покойного друга – может, хоть так согнется?

Поэтому Одиссей сначала долго рассматривает оружие – в порядке ли? Чем снова вызывает насмешки – мол, лука не видел! Эти насмешки мигом исчезают, когда «нищий бродяга», быстро накинув тетиву, – ДАЖЕ НЕ ВСТАВАЯ СО СКАМЬИ – первой же стрелой поражает цель: стрела «мгновенно чрез дыры ручек всех топоров, ни одной не задев, пролетела» [2a. XXI, 421—422].

Вересаев (а он, поверьте, и так проявил чудеса мастерства, решившись переводить это трудное место, не «отходя» от Гомера), видимо, имел в виду топоры с КОРОТКОЙ рукоятью и отверстием (либо жестко закрепленным кольцом) на нижнем ее конце. Ремешок в кольцо – и топор удобно и элегантно повисает на руке. В ДЛИННОЙ рукояти отверстие внизу не имело никакого смысла. Зачем? На стену вешать? Так ведь оружие, как и любой другой инструмент, если и вешают, то ВВЕРХ РАБОЧЕЙ СТОРОНОЙ. Других же дыр на БОЕВЫХ топорах – ни на лезвиях, ни на рукоятках выше хвата рукой – никогда и не делали. Кто же будет ослаблять прочность своего оружия?! Даже ритуальные безделушки вроде критских лабрисов (похожих двойных топориков) не имели ненужных отверстий.

Только вот беда: мода на КОРОТКИЕ топоры пришла значительно позже, через мно-о-ого веков, когда развилась технология литья и стало ВЫГОДНО отливать их вместе с рукоятью. А во времена Одиссея – и долго еще – оружейник был кузнецом, а не литейщиком! К тому же кованный металл превосходил литой по прочности, что для оружия немаловажно. В бою же ахейцы обычно использовали секиры на длинных рукоятках.

Но, допустим, Одиссей опередил моду. И его боевые секиры были с короткими рукоятками. Однако зачем тогда копать ров? Ведь секиры намного лучше держались бы, если их просто воткнуть (под углом) лезвием в плотную, невскопанную землю. Ладно! Неважно, были ли они вкопаны или воткнуты – высота отверстий над земляным полом меньше длины самой короткой из рукояток. И Одиссею пришлось бы стрелять, сидя на полу, а не на скамье!

Есть, правда, вариант перевода используемого Гомером слова «стейлейе» (στειλειη) – «отверстие ДЛЯ топорика» [21], а не В топорике. Если Гомер имел в виду ЭТИ отверстия, топоры-секиры должны были быть без рукоятей. Иначе сквозь что же стрелять? Однако и в этом случае не нужен ров, по все тем же соображениям! К тому же в ТАКУЮ ЦЕЛЬ Одиссею пришлось бы стрелять не просто лежа: стрела должна пройти чу-уть выше уровня земли. И одни боги знают, как держать при этом длинный боевой лук! Сценаристы пытаются выйти из неловкого положения (точнее, вывести из него исполнителя главной роли), выдумывая шесты, бревна, в которые втыкаются топоры. Но все эти ухищрения совершенно не соответствуют ТЕКСТУ ГОМЕРА.

К тому же боевой топор должен плотно сидеть на древке. Зачем же ради соревнования приводить в негодность столько дорогого оружия? Чтобы потом долго, с большими усилиями и сомнительным результатом восстанавливать? Или, может, Пенелопа пошла на безумные расходы и велела отковать новенькие топоры? Это при ее-то бережливости и в условиях личного финансового кризиса?! Ну, так, может, старые, как раз без рукоятей, завалялись? Ой, вряд ли. В те времена любой металл использовали до последнего, после чего отправляли в перековку. А качественное боевое железо вообще ценилось как сейчас бриллианты. Гомер неоднократно подчеркивает, что топоры были из **железа** (σιδηρος) [4. п, 128; ω, 176]. (У Вас, случайно, горсти-другой старых бриллиантов среди ненужного хлама в кладовке не завалялось? Нет?! Странно!)

ИТАК, логика подсказывает, что, ЕСЛИ ПРИНЯТЬ НА ВЕРУ ТЕКСТ ГОМЕРА, Телемах ВКОПАЛ в земляной пол ДЛИННЫЕ секиры древками ВНИЗ. Иначе, зачем было рыть ров, а после тщательно утаптывать землю? Но, в таком случае, НЕТ ОТВЕРСТИЯ В ТОПОРЕ, сквозь которое его можно было бы «прострелить».

Тупик? Ошибка Гомера? Ничуть!

Достаточно вспомнить маленькую деталь. Чтобы топор держался на топорике, в верхушку последнего вбивают гвоздь – и загибают. Мы предположили, что древнегреческий оружейник – не глупее русского мужика. А также, что длинные рукояти боевых секир, как и древка копий, делались из легкого дерева, а не из тяжелого и, главное, дорогого металла. Соответственно, в верхушку каждой рукояти в обязательном порядке должен был вбиваться распорный гвоздь (или, скорее, клин) с загнутым верхом. Либо верх можно загнуть после этого – неважно. Важно, чтобы он был загнут по кольцу, тогда загиб не будет иметь слабых мест и не сломается при ударе. Поглядите-ка на рисунок 1: вот оно, таинственное отверстие!

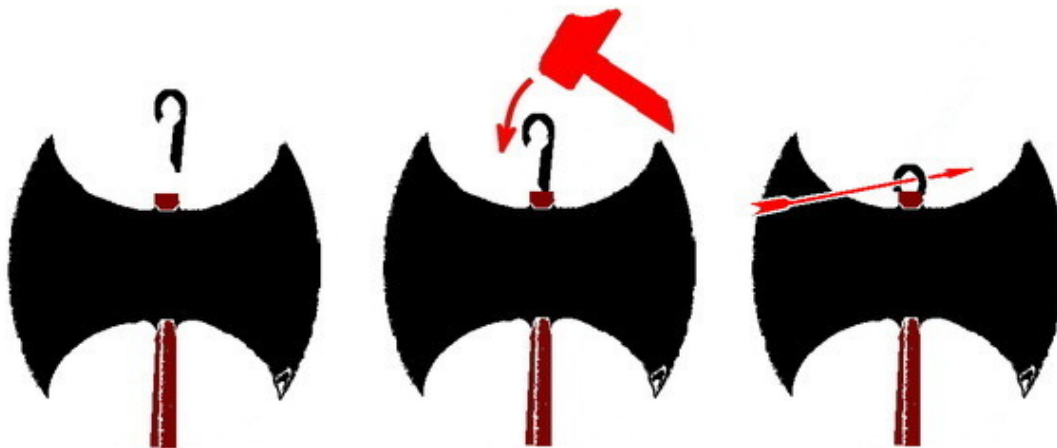

Рисунок 1

Зачем же мы с Вами столько времени потратили на какую-то мелочь?! Нет, это не мелочь! Мы проверяли, можно ли верить Гомеру. Можно!

А теперь вернемся к Одиссею.

А царь Итаки, воспользовавшись всеобщей растерянностью (кто же мог ожидать такого выстрела от нищего старика!), остальные стрелы посылает женихам и «переметнувшимся» на их сторону слугам. Вооружены «гости дорогие» были короткими «медноострыми» мечами и ножами. Но никаких копий, щитов. Да и лук Одиссея был единственным луком на пиру. У многих народов был обычай разоружаться перед совместной трапезой. Почему же на нашем пиру гости имели с собой мечи и ножи? По тем временам это были, скорее, столовые приборы, чем оружие! Только очень богатый (или наивный) хозяин рисковал выкладывать на стол перед гостями кроме еды еще и столовые приборы.

Итак, Одиссей ОСВОБОЖДАЕТ свой дом – а заодно страдалицу-жену – от всего излишнего: как от излишне усердных и наглых едоков, так и от излишне пылких и корыстных поклонников. Естественно, благодарная женщина орошает слезами радости пыльные сандалии ски-тальца...

Однако радоваться еще рано, у женихов остались родичи и дружки-приятели. Да и просто всегда находятся желающие поднять смуту. Ряды же соратников Одиссея немногочисленны: неопытный в **реальном убийстве** (но старательно этому обучающийся) сын, старый отец да пара-другая слуг и рабов. И все-таки даже этого достаточно, чтобы разогнать толпу аника-воинов («аника» или «аникэ» в переводе с греческого «непобеждающий»). Богиня-воительница Афина прекращает это сражение и примиряет враждующих. Вот оно – триумфальное возвращение законного царя! На этом Гомер завершает «Одиссею». Мы ведь начали с конца. И это позволило задать правильный тон всему остальному. Поскольку такая концовка порождает больше вопросов, чем ответов. И становится понятным, что на этом проблемы Одиссея не заканчиваются!

Кстати, а когда же собственно Одиссей вернулся на родной остров? Теперь на этот вопрос можно ответить довольно точно.

Математик Марчело Маньяско (США) и астроном Константино Байкузис (Аргентина) в 2008 году, внимательно прочитав и истолковав текст «Одиссеи», выделили несколько астрономических событий:

– Перед избением женихов «на солнце небесное всходит страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком» [2b. XXI, 366—357. Перевод Жуковского], то есть речь идет о ПОЛНОМ СОЛНЕЧНОМ ЗАТМЕНИИ. Упоминается также, что «мрачно-безлунна была

наступившая ночь» накануне [2б. XIV, 457]. Новолуние – обязательное условие солнечного затмения.

– За шесть дней до возвращения была хорошо видна Венера.

– За 29 дней – после заката были одновременно видны созвездия Плеяд и Волопаса.

– За 33 дня – посланец богов Гермес (впоследствии древние римляне до неразличимости отождествили его со своим богом Меркурием) отправляется в путь с Олимпа к нимфе Калипсо: *«миновав Пиерию, с эфира низринулся к морю. Низко потом над волнами понесся»* [2а. V, 50—51]. В древней астрономии (как и в современной астрологии) бог обозначал также и саму одноименную планету. Байкузис принял (вполне справедливо) слова Гомера за описание видимого движения по небу планеты Меркурий.

Сопоставив эти события, ученые вычислили, что Одиссей вернулся на Итаку **16 апреля 1178 года до новой эры** [31]. Опровержений информации, как и сообщений о найденных ошибках в расчетах пока не поступало. Основываясь на этой дате можно определить начало и конец троянской войны. Известно, что война длилась десять лет, как и скитания Одиссея. Таким образом, **троянская война началась в 1198, а закончилась в 1188 году. До новой эры.**

(Информация к размышлению: за последнюю ТЫСЯЧУ ЛЕТ на месте, занимаемом современной Москвой, ПОЛНОЕ затмение солнца – а только при нем *«вся земля покрывается мраком»* – было видно всего ЧЕТЫРЕ раза. А ведь Москва, даже до своего недавнего неожиданного увеличения вдвое, была раз в десять больше Итаки.)

Лет на 50 вперед или назад сдвинуть результаты, и они будут противоречить всей известной истории и археологии! Удивление становится еще большим, если учесть, что в расчетах – с полным затмением солнца на Итаке, должны были совпасть и остальные астрономические события! Вас не удивляет, что Гомер НЕ ОШИБСЯ, сообщая все эти «мелочи»?! Еще раз делаем вывод, что Гомеру можно доверять! Даже в мелочах!

Причем не только в области холодного оружия или движения по небу звезд и планет. Другой профессионал, опытный врач Александр Лемешев отмечает высокую точность и достоверность описания Гомером лечения боевых ран [37].

Интересно, что в соответствии с подсчетами Эратосфена, Троя пала в 1184 или 83 году [22. 14—15]. Не так уж сильно он и ошибся – на 4—5 лет. Математик, астроном и географ, первым из известных рассчитавший диаметр Земли, поэт и музыкант (это все один человек!), живший в третьем веке до новой эры... Он же – историк, основавший научную хронологию. Проще говоря, попытавшийся точно сказать, КОГДА что случилось. Хотя все подсчеты делал вручную и один. И не то, чтобы по горячим следам, а спустя почти тысячу лет после троянской войны. Как в древности, так и в наши дни, верность его вычислений подвергалась серьезным сомнениям, троянскую войну переносили на сотни лет раньше или позже. Однако в итоге возвращались к его, Эратосфена, оценкам. Да и сейчас большинство археологов и историков относит троянскую войну ко временам лет на пятьдесят раньше. Получается, зря! А вот сценаристы фильма «Троя» 2004 года новой эры использовали именно хронологию Эратосфена. И правильно сделали!

А теперь от ученых вернемся к затруднительному положению, в котором оказался наш герой.

...Против целого народа с луком не пойдешь, на всех – стрел не хватит. К тому же в большинстве своем этот народ (кроме лиц заинтересованных) мало волнует судьба бездельников-женихов. Его, народ, волнуют другие вопросы. И хитроумный Одиссей прекрасно понимает, что рано или поздно ему ПРИДЕТСЯ держать ответ перед народом: «Если мы победили, то где же победители: где наши сыновья, мужья, братья? И если они все как один полегли под

стенами этой, будь она неладна, Трои, то где же где их доля в добыче? На что жить вдовам и сиротам?»

Но жители Итаки – это всего лишь цветочки! Одиссей еще прекраснее понимает, что рано или поздно, осушив слезы радости по поводу его возвращения, законная жена, грозная Пенелопа, известная крутым нравом и тяжелой рукой, задаст ему вопросы, на которые затруднительно будет дать вразумительные ответы: «Что все это значит? Все порядочные люди уже давно дома! И ГДЕ ДОБЫЧА!? Хозяйство совсем разорилось, а ты с пустыми руками явился...» И, наконец, самый главный вопрос, в ожидании которого у всякого припозднившегося мужа заранее портится настроение: «Где ж ты был, Одиссей? Где ж ты целых десять лет шлялся, любимый?» И на этот вопрос надо найти ну очень убедительный ответ.

Ведь не на час задержался. (Понимаешь, дорогая, приятеля по дороге встретил. Давно не виделись, вот и заболтались. Ну, ты же не будешь на меня сердиться из-за такой ерунды? Посмотри лучше, какую красивую серебряную заколку я купил для тебя по дороге у критского торговца. Она так украсит твои золотистые волосы!)

И не на день. (Понимаешь, дорогая, поднялся встречный ветер и задержал мой корабль. С ветром ведь не поспоришь! Посмотри лучше, какую красивую тунику я купил для тебя на острове Закинф...)

И не на неделю. (Понимаешь, дорогая, налетел внезапно шквал и порвал все снасти на моем корабле. Пока чинили... Ну, не хмурься, милая. Посмотри лучше, какое прекрасное жемчужное ожерелье я привез тебе с острова Хиос...)

И не на месяц. (Понимаешь, дорогая... НУ, ЗАЧЕМ ЖЕ СРАЗУ ХВАТАТЬСЯ ЗА СКАЛКУ?.. Просто мы немножко заблудились... Такой туман с севера принесло, кормчий никак не мог определить нужный курс... Занесло нас аж в Ливию... Загляни лучше в этот сундучок с нарядами, там и купил, раз уж так вышло... Это все для тебя, любимая...)

И даже не на год. (Понимаешь, дорогая... Лучше посмотри с какой я добычей вернулся! Думаешь, так просто добывать добычу? Думаешь здесь за полдня управишься? А ты с глупыми вопросами... Я пока ванну приму, устал что-то с дороги, смою пома... дорожную пыль. А ты открой этот ларчик с драгоценностями... И вон тот большой сундук с нарядами... Да, и не забудь во-о-он тот короб – там серебряная посуда – гости от зависти лопнут, когда мы закатим пир по поводу моего возвращения... Это все для тебя, любимая, все для тебя, моя ненаглядная!)

Нет! За десять лет так просто не отвертеться! Тем более, что явился без сундучка, без ларчика, без какого-нибудь завалящего серебряного кубка. Словом – БЕЗ ДОБЫЧИ!

Но не таков был хитроумный царь Итаки, чтобы спастись перед каверзными вопросами! За десять лет у него было время, чтобы подготовиться как следует.

И он подготовился!

Тут и начинается удивительный рассказ царя Итаки Одиссея.

3. Как яблоко к войне привело

Как вообще началась эта история? «*Cherchez la femme*», ищите женщину. А в данном случае и не одну, а целых трех – вот и разрушительное их действие возросло даже не втрое, а раз в десять. И еще яблоко. На вид простое, а по сути – Яблоко Раздора. Кстати, у Гомера на тему предыстории и начала троянской войны (как и на тему ее окончания) информации – кот наплакал. А Вы часто видели рыдающего кота?

Попробуем восстановить события.

Богиня Эрида – ничего личного, работа такая, она ведь по должности своей на Олимпе числилась богиней ссор, скандалов и всяческих свар; к тому же ее, как обычно, на пир пригласить забыли (вот ведь глупые, сами на неприятности напрашиваются!) – подбросила в божественные чертоги обыкновенное яблоко. Обыкновенное-то оно обыкновенное, но на нем самым изысканно-пакостным образом Эрида собственноручно начертала такое слово: «Прекраснейшей». Ну, и кому же прикажете яблоко отдать? Кто есть самая-самая из всех и так самых прекрасных?

То-то и оно! Какая же женщина согласится с тем, что у соседки ноги стройнее и талия тоньше? Вот и сцепились между собой три олимпийские красотки. Это ведь не какие-нибудь нимфы-дриады, а весьма статусные дамы: Гера, супруга аж самого верховного правителя Олимпа Зевса (дамочка очевидно решила, что при такой должности мужа яблоко ей должны были сразу на блюдечке с голубой каемочкой подать), богиня мудрости Афина (которая в такой ситуации враз утратила весь свой хваленый здравый смысл) и... богиня любви и красоты – сама несравненная Афродита (ну, а эта-то чего? И так вроде бы красотой заведует. Не иначе, вспомнилось, как в детстве рыжей-конопатою дразнили).

Вот в сказках все проще бы решилось – спросили бы профессионального совета у волшебного зеркальца, и оно вмиг бы определило, кто на свете всех милее, всех румяней и белее. Но поскольку во все времена волшебных зеркал на всех не хватало, то три красотки весьма эмоционально начали оспаривать друг у дружки право съесть злосчастное яблоко. В конце концов, изрядно утомившись, решили: пусть их рассудит кто-нибудь со стороны. Мол, со стороны виднее. Сразу же обратились к Зевсу. Он на Олимпе главный – ему и решать. Только ведь недаром Зевс удерживал власть столько веков, несмотря на козни и интриги прочих небожителей. Мудрый был! А какой же мудрый мужчина будет в женскую свару вступать? Сразу смекнет – себе дорожке выйдет. Тем более, что в этой сваре собственная супруга принимает самое непосредственное участие. То есть Гера, может, и рассчитывала на его поддержку. Но Зевс быстро сообразил, какую ловушку готовит ему злой рок – присудишь приз супруге – сразу же в семейственности обвинят и импичмент объявят. Присудишь другой богине – домой на глаза жене лучше не показывайся.

На самом-то деле это лишь упрощенная схема. Поскольку действительность еще кошмарней. Ведь Афина – родная дочка Зевса. И не от законной супруги Геры! Афродита по Гомеру – еще одна внебрачная дочь громовержца [2а. V, 131], а по Гесиоду, так вообще, – тетка! Поскольку родилась из пены морской от Урана-Неба (родного дедушки Зевса) [6. Теогония. 168—197]. А потому – хорошенько подумав, как может отозваться в такой семье неосторожное слово, – самоустранился великий Зевс от такой чести, – не достоин, мол, не компетентен по части женской красоты.

Пригорюнились три олимпийские красотки и... полетели со светлого Олимпа на землю. Зачем?

Да ну, их, грубых олимпийцев, даже красоту женскую не в состоянии оценить. То ли дело простые смертные, для которых их красота – божественна...

И попали три красавицы (так уж как-то само вышло, хотя... не без некоторой «помощи» ненавязчиво сопровождавшего их бога хитрости и обмана Гермеса) напрямик в окрестности Трои (Илиона, как еще ее называли), города культурного и просвещенного. А, стало быть, троянцы должны и в красоте разбираться.

И приглядели-таки богини пригожего пастуха со свирелью-сирингой. К нему и отправились. Рассуди, мол, добрый молодец, кто на свете всех милее... э-э-э... как тебя там... Парис?..

(Откуда это имя и что оно значит? Какого-нибудь внятного мнения мы не нашли. Поэтому решили выдвинуть свое: Парис – это житель Париона. Был такой городишко на земле троянской.)

– А как это по-нашему будет, по-древнеэллински? Александр, говоришь?

(Это прозвище наш пастух получил, отбив свое стадо от разбойников. Что, кстати, показывает во всей красе нелепость довольно часто встречающегося перевода имени Александр – «защитник мужей». Не «мужей» защищал Парис, а баранов! Поэтому предлагаем – опять! – свой вариант: «мужчина-защитник».)

Добрый молодец, прямо скажем, растерялся. Все же не каждый день к пастухам богини наведывались, а тут сразу три. Да еще каких! Глаза разбегаются.

Призадумался наш Парис-Александр.

А богиням его нерешительность совсем не понравилась. Занервничали дамы. Логика женская, она какая? Раз не упал с первого взгляда, сраженный моей неземной красотой, стало быть, все-таки сражен, но изо всех сил на ногах держится, потому что показать, а тем более признаться – стесняется. Так надо же его, скромника, приободрить, поощрить и поддержать... словом, намекнуть, кто здесь самая поразительная!

И давай каждая из богинь поощрять и намекать.

Гера намекнула, что скромный пастушок может стать правителем всей Азии, Афина – пообещала военную славу и победы над врагами, а Афродита – самую прекрасную женщину на свете.

И тут наш скромник наконец-то высказал, что его так беспокоило: должен ли он оценивать красоту одежды или женского тела? И, представьте, заставил-таки богинь раздеться и показать себя ВО ВСЕЙ КРАСЕ [23. 159, i-1]! Гермес, наверняка, помирал со смеху!

Ну, и что же выбрал озабоченный, но неопытный юнец? Он считал полной сказкой возможность из пастухов стать правителем (промахнулась Гера!) и даже воином, ибо вооружение в то время стоило невероятно дорого (Афина также не угадала!).

Конечно же, прекрасную женщину!

Вот так и получилось, что Афродита не только забрала себе злополучное яблоко, но стала с тех пор считаться прекраснейшей из всех прекрасных олимпийских богинь. Хотя стоило бы называть ее прекраснейшим знатоком человеческих слабостей.

Ведь судья был подкуплен! Не красивейшую из богинь выбирал Парис! Он оценивал взятки, которые ему предлагали конкурентки для того, чтобы выиграть тендер. У недалекого красавца не хватило, да и никак не могло хватить ума, чтобы оценить последствия своего выбора. Не знал тогда паренек, что подлая судьба преподнесет ему сюрприз, и выяснится, что он – не скромный пастух, каких в Элладе пруд пруди, а брошенный после рождения сын троянского царя. И завертятся шестеренки, цепляясь одна за другую, и приведут его в Спарту, к царю Менелаю и... его жене, Прекрасной Елене. Дальше все понятно. Вроде бы... Отлучка Менелая. Страстная любовь. Бегство из Спарты. Возвращение в Трою с Еленой.

И, в конечном счете, война (а ведь предлагали ему непобедимость в сражениях!). Война, охватившая почти все азиатское побережье (а ведь предлагали ему спокойно властвовать над всей Азией! Правда, во времена Париса Азией называли лишь побережье современной турецкой Анатолии, но для тогдашних древних греков это уже было половиной мира). Война с Менелаем и его многочисленными союзниками со всей Эллады, собравшимися, чтобы погра... то

есть отомстить за честь друга. И все из-за той самой женщины, которую посулила ему Афродита. Но, если с тех пор Парис и стал любимцем Афродиты, то Гера и Афина возненавидели Париса, Троию и всех троянцев.

Афродита свое обещание, данное Парису, выполнила. Предоставила ему прекраснейшую из смертных женщин – Елену.

Но!

Вся беда была в том, что Афродита, будучи прекрасной и лицом, и телом, отличалась сметливым, но, если вдуматься, недалеким умом. Ибо обладай она хоть толикой умения предвидеть далекие последствия, то сосватала бы Парису симпатичную девушку, благо в Элладе (в отличие, надо полагать, от Трои, – иначе, зачем было за три моря ходить) красивые барышни не были редкостью. Главное, ведь, убедить окружающих, что именно эта девица и есть самая распрекрасная. С этой задачей Афродита уж как-нибудь бы справилась. И зажили бы молодые долго и счастливо. И все остались бы довольны. И никакой, тебе, войны. Так нет же! Красавица-богиня подсунула такому же недалекому, как и она сама, юнцу замужнюю даму, в свою очередь, не отличающуюся большими умственными способностями, чей супруг, между прочим, славился своей вспыльчивостью и ревностью! И что Вы после этого хотите?

Или... не столь Афродита и проста? И «простое» мирное развитие событий не устраивало богиню любви? Если учесть, что в мужьях у нее бог войны Арес, все становится на свои места. Семейное предприятие. *Cosa Nostra*.

А если еще вспомнить, что первым мужем Афродиты был (до сих пор к ней равнодушный) бог-оружейник Гефест... Что Афродита и сама не прочь принять участие в битве (вернее, покрасоваться в стильных доспехах – «от самого Гефеста!») [1. V, 131—132] ... Круг интересов богини любви оказывается весьма своеобразным! Возможно, стоит семь раз подумать перед тем, как иметь с ней дело! Если получится. Подумать.

Так вот и вышло, что из-за какого-то яблока разразилась война. Кровопролитная. На целых десять лет. А, может, то яблоко вообще кислое было? Или червивое? Его же, в конце концов, так, кажется, никто и не попробовал. Даже «победительница».

Так что, будьте как мудрый Зевс – не вмешивайтесь в женские склоки, а то целые города и государства погибнут.

Однако мы вспомнили эту древнюю историю не для того, чтобы сделать давно известный вывод.

К тому же... Еще в древности было высказано предположение, что как раз Зевс и замутил воду. Не зря же ПО ЕГО ПРИКАЗУ Гермес сопровождал (если не вел!) трех богинь к Парису. Предвидел верховный олимпиец, чем все это закончится, но затеял интригу ради того, чтобы... похвастать перед богами и людьми красотой своей дочери Елены! [5. Эпитома. III, 1]

Поэтому перед тем, как делать выводы, поближе познакомимся с действующими лицами.

Итак, Елена Спартанская. Красотой прославилась чуть ли не с рождения. Слух о ней прошел по всей Греции и даже за пределы оной. От женихов отбоя не было, толпами свататься приходили. И все сплошь герои, как на подбор! Среди них Одиссей, Менелай, Диомед, оба Аякса и многие другие. Выбирай – кого душа пожелает. Так почему же известная красавица выходит не за царя или, на худой конец, перспективного наследника-царевича, а за Менелая? Ведь Менелай даже не наследник самого захудалого чего бы то ни было. К тому же, сразу по двум причинам! Первая: между ним и микенским тронем – старший брат Агамемнон, который еще очень даже может иметь **своих** наследников. И вторая: они с братом были вынуждены **бежать** из родных Микен. Потому как их «любящий» дядя Фиест убил их отца – своего родного брата Атрея и намеревался также поступить и с ними – Атридами. То есть нищий изгнанник «без будущего» – подходящая партия для царской дочери? Все становится на свои места,

когда выясняется, что отец Елены, царь Спарты Тиндарей дал право дочери самой выбрать себе мужа. А ей понравился светловолосый красавец Менелай! [7. 78]

Дальше – больше. Тиндарей выбрал Менелая своим наследником и постепенно передал ему власть над Спартой (Лакедемоном, как называли свою страну сами спартанцы). Хотя у Елены были братья – прямые наследники по мужской линии! – Кастор и Полидевк, знаменитые Диоскуры («отроки Зевса»), прозванные так за их отвагу! [5. III. XI, 2]

А также Тиндарей «немножечко» помог старшему брату Менелая – Агамемнону. «Добрый папочка» сделал его царем Микен, используя всю мощь спартанского войска. Хотя в то время Микенами правил другой его зять, муж его старшей дочери Клитемнестры – Тантал, сын «дядюшки» Фиеста! После чего Агамемнон – с одобрения Тиндарея! – женился на... Клитемнестре, перед этим убив ее мужа и ребенка! [5. Эпитама. II, 15—16]

К удивительной доброте спартанского царя мы еще вернемся, а пока продолжим знакомство с Еленой. Когда ей было двенадцать лет, ее похитил один из самых известных героев Древней Эллады Тесей, на счету которого немало и такого рода «подвигов». (Порой действительно трудно понять, чем иной герой отличается от разбойника.) Родственники, вырвав несчастную из рук коварного похитителя (эту часть задачи блестяще решили ее братья Диоскуры), придумались (а вот это уже по части отца – Тиндарея) о том, что любой дар имеет свою обратную сторону. И порешили поскорее выдать красавицу замуж. Тем более, что в Спарте, где проживала красавица, народ был сдержанный, нравы строгие – не забалуешься. Так что, пусть теперь муж за ней присматривает и несет всю ответственность...

А самой красавице в Спарте было скучно – ни пиров, ни развлечений, ни пылких поклонников. Спартанцы с утра до вечера истязали себя всяческими физическими нагрузками, бряцали оружием, пропадали на охоте. Женщины также не вызвали интереса – день-деньской пряли, ткали, да рожали суровых спартанских воинов. Ну, словечком не с кем перемолвится, в новом наряде не перед кем покрасоваться! Нужно сказать, что НЕСПАРТАНСКОЕ поведение Елена, как и ее сестра Клитемнестра, скорее всего унаследовала-усвоила от своей матери, этолийской «принцессы» Леды. Той самой, которая прославилась своими проделками с лебедем. Вернее, якобы с любвеобильным Зевсом, принявшим облик лебедя. Хотя непонятно, что мешало громовежцу принять облик человека. В общем, с фантазиями была дамочка!

Удивительно ли, что появление в Спарте нового лица, да еще мужского, к тому же весьма привлекательного, не могло остаться незамеченным. Ну, а дальше уже знакомый сценарий – страстная любовь, побег из дома... Но ситуация-то уже другая. Теперь Елена – замужняя женщина. И ее законный муж Менелай принял Париса, вместе с его закадычным приятелем Энеем, как дорогих гостей. Пир в их честь устраивал, кормил, поил. Но, как только важные дела заставили Менелая отлучиться на Крит... Так что Парис с Энеем, ко всему прочему, еще и нарушили закон гостеприимства! Что-что, а это во все времена не прощалось! К тому же страстно влюбленный Парис вместе с Еленой не забыл прихватить и немалые ценности из дома своего гостеприимного хозяина, что значительно отяготило трюмы корабля Париса и намного облегчило сокровищницу Менелая. И это, заметьте, с ведома и полного одобрения Елены! Так что домой Парис прибыл не с пустыми руками, а с молодой женой и богатой добычей, за что и был принят на родине с распростертыми объятиями и без ненужных вопросов. И, видимо, влюбленные голубки решили, что на этом приключение и закончено – все им с рук сойдет. А, может, вообще ничего не решали...

А что Менелай? Прикажете, простить такое коварство? Так и оставить безнаказанным? А Вы сами как бы поступили на месте оскорбленного правителя свободолюбивой и гордой Спарты? Но что же делать? Воевать в одиночку с могущественной Троей? И призвал Менелай героев со всей Эллады себе в помощь.

А героев, как мы помним, к тому времени развелось без счета. А подвигов осталось мало. А если ты подвиги не совершаешь, то какой же ты герой? У окружающих возникают сомне-

ния в твоём божественном героическом происхождении. Тут уж за любую мелочь ухватишься, лишь бы доказать свою крутую родословную. А здесь – такая возможность! Совершить легкую прогулочку к азиатскому побережью – при попутном-то ветре плыть – всего ничего. А там, позагорав и накупавшись в ласковых морских волнах, совершить пару-тройку подвигов, о которых можно рассказывать долгими зимними вечерами, словом, покрыть себя неуязвимой славой, и на несколько лет можно с подвигами не заморачиваться! И к тому же такая прекрасная возможность погра... эээ... вернуться с богатой добычей!

И превыше того! Героев на подвиги, в данном случае, призвал долг! Данная Тиндарею КЛЯТВА. Суть клятвы заключалась в следующем. Практически все героини так или иначе претендовали в своё время на руку прекрасной Елены. А потому, чтобы избежать конфликта, ещё перед тем, как выбрать мужа для дочери (вернее, объявить во всеуслышанье её выбор) царь Тиндарей, взял с претендентов обещание, что те не только не будут иметь претензий к будущему мужу, но и в случае какой-либо беды обязательно придут ему на помощь. Ну, первая половина клятвы понятна – война зятя с отвергнутыми женихами никому не в радость. А вот что значит «в случае беды»? Какую-то такую напасть предвидел отец Елены? Может быть, хорошо зная свою дочь, склонную к похищаемости, опасался нового побега с пылким поклонником? Или, зная так же хорошо пылких поклонников, рассчитывал охладить их пыл – мол нигде не найдёшь укрытия, когда за тебя возьмётся банда героев, женихов-неудачников, желающих хоть кому-то отомстить за свою неудачу?.. Кто знает?..

Интересное совпадение: заставить женихов дать такую клятву, как и передать право выбора мужа самой Елене – оба этих поступка ПОСОВЕТОВАЛ Тиндарею наш герой ОДИС-СЕЙ [7. 78; 5. III. X, 8]! Вывод, на первый взгляд, напрашивается только один – поскольку Одиссей сам был в числе женихов, а значит, предполагал стать мужем Елены, он почему-то был уверен, что выбор Елены падет именно на него. Так что клятву он придумал к собственной выгоде и никак не предполагал, что ему самому же и придется её выполнять. Но Елена предпочла Менелая. А разочарованному Одиссею ничего не оставалось, как жениться... на двоюродной сестре Елены, Пенелопе. (Заметим в скобках: ну, и кому повезло больше?)

На тот же, на первый взгляд, справедливость вышесказанного подтверждает то, что, когда пришло время, Одиссей отнюдь не жаждал доказать на поле брани свою воинскую доблесть. Гомер упоминает, что Агамемнону много дней пришлось его уговаривать [2. XXIV, 115], но, судя по другим источникам [7. 95; 14. 819], Одиссей, чтобы «обойти» данную им клятву, притворился сумасшедшим. На глазах изумленных Менелая и Паламеда, приехавших, чтобы призвать героя к оружию, Одиссей запряг в плуг вола и осла, и стал таким образом пахать поле, обильно засевая его солью (заметим, по тем временам дорогое удовольствие – соль стоила почти как золото! К тому же просоленная земля становилась бесплодной – двойной убыток!). Однако один из прибывших, Паламед, разоблачил его. Он положил новорожденного Телемаха, сына Одиссея под плуг, и тому пришлось срочно выздороветь [7. 95]. И пошел наш герой на войну во исполнение клятвы! Но Паламеду обещал отомстить...

Кстати ещё одним «симулянт» оказался никто иной, как краса и гордость греческой мифологии отважный и могучий Ахилл! Правда, он не уклонялся от клятвы, поскольку по малолетству не сватался к Елене. Просто древние эллины очень доверяли так называемым предсказателям. (Эти ребята, окончательно обнаглев, даже соревнования между собой устраивали, вроде такого: кто точнее скажет, сколько плодов на этой смоковнице. Ах, это орех?! Ну, всё равно!) Так вот, один из них и «предсказал», что без Ахилла, мол, никак! (Интересно, сколько ему заплатили «заинтересованные лица»?) Так что пришлось бедолаге Ахиллу по настоянию своей матушки нарядиться в женское платье. И уселся герой прясть пряжу среди женщин – мол, здесь уж точно искать не станут! И кто же разоблачил притворщика? Да наш же хитроумный Одиссей, за что греки воздали ему честь и хвалу! Изображая купца, он разложил

товары, среди них – оружие. И, когда его друг Диомед (не путать с Паламедом!) разыграл нападение разбойников, одна юная «девушка» сразу подхватила оружие, готовая к битве! [7. 96]

И ведь не посочувствовал Одиссей собрату, хотя сам только что побывал в его шкуре! Хотя, с другой стороны, понять можно – раз я должен идти воевать, так почему кто-то другой за печкой... вернее, рядом с очагом отсиживаться будет? Нет уж, дудки!.. вернее, сиринги!

Хотя Ахилл, в отличие от Одиссея, после разоблачения с великой радостью согласился принять участие в походе! Надоело молодцу сидеть рядом с мамочкой. И нашел он приключений на свою... пятку.

Вот так: началось с яблочка, а кончилось войной!

4. Как мы вопросы задавали

Но, если задуматься, возникают некоторые вопросы.

Позвольте, а где же был Менелай, когда уводили его жену, грабили его сокровищницу? Ах, отправился на Крит? По делам? Какие дела могли быть у спартанского царя на довольно отдаленном от Спарты острове? Торговые? Царь Спарты никогда не опускался до торговли. Дело в том, что спартиаты (высшее сословие Спарты-Лакедемона) от рождения готовились только к одному занятию – воевать. Это занятие почетно. Все остальные – нет.

(Можно возразить, что все это относится к Спарте более поздних времен, а про **доисторическую** Спарту – времен Тиндарея и Менелая – ничего не известно. Но что-то же давало основание называть это государство именно Спартой, а не «царством, когда-то бывшим на месте Спарты». Значит, у нас есть серьезные основания предполагать **сходство** обычаев, устройства – в общем, всего того, что сделало все «спартанское» таким своеобразным, непохожим на остальную Элладу!)

Так, может быть, военные дела призвали Менелая на Крит? Ни о войне, ни о военном союзе Спарты с Критом когда бы то ни было никому ничего не известно.

Простой визит вежливости к соседнему правителю? Что это, вдруг, так срочно? Да еще когда гости в доме? Не мог дожидаться их отплытия?

Нет, официальная версия такого поспешного отплытия, конечно, была – **отправился на похороны деда по материнской линии** [5. Эпитама. III, 3]. Но в такую историю верится с трудом.

И вот почему.

Во-первых, с дедом, судя по всему, Менелай не виделся уже много лет, если вообще когда-нибудь встречался. В те времена, выдав девушку замуж на чужую сторону (мы имеем в виду мать Менелая), родственники часто не заморачивались ее дальнейшей судьбой. Да и средства передвижения были не те, чтобы ездить в гости на выходные или хотя бы на лето.

Во-вторых, вряд ли у Менелая были с дедом такие уж теплые отношения. Иначе, почему, узнав о грозящей внукам опасности, правитель всё еще великого царства не отправил слуг на их розыски? Да, скорее всего, и не знал дед об всем этом. Не интересовали его внуки! Почему внуки, имея они чувства к дедушке хоть немного теплее точки замерзания, нашли приют у совершенно чужих людей? Слишком далеко, малы были? Подросли бы, да и сбежали на Крит! Да, видно, не тянуло их туда. К причине таких отношений мы, кстати, еще вернемся!

В-третьих, не в обычае греков тех времен было ехать на похороны даже к самым любимым, но дальним (в смысле расстояния) родственникам.

И вот почему! Возьмем, к примеру, наш случай. Сколько времени требовалось тогда, чтобы в Спарте получить известие с Крита о кончине уважаемого дедушки? Даже, если допустить, что в критской гавани уже стоял **готовый к отправлению** корабль? Неделю! Это, если с ветром повезет. Тогда и команде по прибытии на материк отдохнуть не нужно от гребли. Скорее всего Менелай на том же критском корабле отправился, который известие в Спарту доставил (свой снарядить – куда дальше выйдет). А добраться до Крита? Еще неделя?! Прибыть на похороны получится не раньше, чем через две недели после смерти деда! Даже если ветер попутный **В ОБОЕ СТОРОНЫ**. А для этого он (ветер) должен в день прибытия корабля в Спарту смениться на **ПРОТИВОПОЛОЖНЫЙ**. Так что греки всегда торопились кремировать своих усопших (представим, какая в Греции летом жара), и никто не стал бы ждать приезда любимого внука для того, чтобы совершить положенную церемонию. А поминки – пожалуйста, дома устраивайте, никто не мешает!

Так может, дело было зимой? Не было. Зимой в те времена в тех местах выходили в почти без перерыва бушующее море лишь вдоль берега и лишь в случае крайней необходимости.

А кому на Крите могло ТАК понадобиться приглашать лишнего претендента на наследство?! К тому же и Парис с Энеем явно прибыли не по важным делам, а так, потусоваться. А значит – в самое безопасное время, в разгар сезона навигации, в середине лета.

И, наконец, коли уж мы упомянули о наследстве. Может, Менелай на что рассчитывал на Крите? Однако в ЭТОМ СЛУЧАЕ он бы отправился во главе СВОЕГО ФЛОТА! А такой флот собрать, как мы еще убедимся, – долгая песня. Да и не собрал бы Менелай ТАКОЙ флот, чтобы против грозной морской державы – пусть даже времен распада и упадка – воевать!

Кроме того, неужели Менелай был настолько глуп, что не заметил возникающего взаимного интереса у дорогого гостя и своей супруги? И в такой ситуации он оставляет наедине легкомысленную супругу и молодого троянского царевича?

И самый интересный вопрос: откуда у правителя Спарты такие сокровища? Спарта никогда не считалась богатым государством среди греческих полисов. И вдруг! Обчистили казну, да еще так, что трюмы парисова корабля почти заполнили! Откуда?

А что означает поведение троянцев? Стоит вспомнить, что Парис совсем недавно был «найден» царской семьей. И в лучших традициях мексиканских сериалов из скромного пастуха чудесным образом преобразился в давно утраченного царского сына. Съездил в гости их новорожденный царевич. И вернулся из гостей с чужой женой и целым грузом несметных богатств!

Ну, допустим, что факт похищения чужой супруги Парис мог и скрыть – привез себе красавицу-жену, а кто, да откуда, вас, мол, не касается.

Но сокровища! Откуда они взялись на корабле Париса? Не со дна же морского он их сетями наловил...

А команда корабля? Неужели будет молчать о похищении? Никто не проговорится? Ничего никому, даже изрядно подвыпив неразбавленного вина? (Вообще-то порядочные троянцы, как и греки, разбавляли вино водой, но что взять с моряков: шлятся невесть где, перенимают варварские обычаи!)

Так или иначе, рано или поздно, но троянцы должны были узнать правду о том, откуда взялись добыча и девица! И что? Неужели понадеялись, что правитель Спарты (Спарты! которая во все века славилась своим суровым отношением к нравственности и отличными воинами) так просто оставит оскорбление безнаказанным? И приняли с распростертыми объятиями Париса с его красоткой и грудой золота? И предположить не могли, что последует неотвратимое возмездие? А ведь царь Трои Приам был известен своей мудростью и здравомыслием! Правил около сорока лет! И совершил такую непростительную ошибку? Вовлек страну в кровопролитную войну со всей Грецией? Ради чего? Корабля с сокровищами? Троя не могла без этого обойтись? А ведь она славилась своими богатствами!

Конечно, нравы в античном мире не были обременены излишней моралью – добывали все, что могли, где могли и у кого могли. Но! В основном тогда, когда чувствовали свое превосходство, силу и безнаказанность. А тут – война со всей Грецией?! Уж за столько лет молва о столь необычной «клятве женихов» должна была и до Трои дойти. Так что знали, на что идут!

Когда греки, наконец-то, явились под Трою, Менелай с Одиссеем вдвоем отправились в город и потребовали вернуть украденное. И народное собрание Трои постановило – отказать! По всем пунктам! Более того, совсем обезумевшие троянцы едва не убивают послов [5. Эпитома. III, 28]! Полный беспредел! Эллинские войска охватывает справедливое и благородное негодование. Что же происходит? То есть младший царский сын – не прославленный герой, не наследник, не отмеченный до сих пор ничем выдающимся, не имеющий ни авторитета среди троянцев, ни влияния, ни друзей, ставит Трою на грань кровопролитной войны и народ безропотно с ним соглашается? И где же в этой ситуации была хваленая мудрость Приама? Он что просто промолчал? Ведь у него, уж точно, авторитет среди троянцев и всей своей семьи был повыше, чем у недалекого, но, в то же время, и не близкого, а скорее уж, чужого всем Париса.

И здесь возникают самые интересные вопросы:

А БЫЛИ ЛИ СОКРОВИЩА? И БЫЛО ЛИ ПОХИЩЕНИЕ?

Об этом заставляет задуматься и тот факт, что после побега Париса и Елены Менелай ТУТ ЖЕ (!) появляется в Спарте (как если бы и не отплывал никуда вовсе), уже извещенный о постигшем его несчастье. Откуда узнал? А все очень просто – как только Елена и вероломный Парис отплыли на своем корабле, БОГИ ПОЗАБОТИЛИСЬ о том, чтобы тотчас сообщить Менелая о побеге жены и краже его сокровищ. Для этого послали с Олимпа специальную вестницу – Ириду, которая в мгновение ока прилетела к нему на своих радужных крыльях [23. 160, а]. Менелай, естественно, поспешил в обратный путь и моментально достиг берегов Спарты! Это он так критским кораблем распорядился? Или все же на своем в море вышел? Который «случайно» был полностью готов к отплытию?

Кроме того, возникает еще один неожиданный вопрос: а была ли Елена? Нет, Елена, как таковая, конечно, существовала, но...

Была и другая версия мифа, высказанная древнегреческим поэтом Стесихором. Когда он написал поэму о бегстве Елены с Парисом, в которой винил ее во всех бедствиях троянской войны [8. Елена], то в ту же ночь ослеп. Поэт взмолился богам с просьбой об исцелении. Тогда в сновидении ему явилась Елена и сказала, что ослеп он в наказание за то, что сочинил про нее такие недобрые стихи. Стесихор сложил тогда новую поэму-опровержение: о том, что Парис увез в Трою совсем не Елену, а только призрак ее. Настоящую же Елену боги перенесли в Египет, и она пребывала там, верная Менелая, до самого конца войны [8. Елена (палинодия)]. После этого Стесихор прозрел. На эту версию мифа опирался греческий драматург Еврипид в трагедии «Елена» [9. 32—50].

В египетской версии мифа (рассказанной Геродотом [12. II, 113—115]) на пути из Спарты в Трою корабль Париса отнесло в Египет. Там местный царь Протей отобрал у Париса (по доносу рабов, бежавших с парисова корабля) и Елену, и сокровища. После взятия Трои Менелай прибыл в Египет, где и получил все обратно. Однако, в качестве «благодарности», Менелай, быстро вернувшийся в Египет из-за встречного ветра, принес в жертву двух попавшихся ему на побережье египетских мальчишек [12. II, 119]. И был вынужден спастись в Ливии от справедливого гнева фараона.

Отметим, кстати, вслед за Гомером [2. III, 276—312], что после троянской войны кроме Одиссея только один Менелай из-за поднявшейся бури НЕ СРАЗУ вернулся домой, а, также, как и наш герой, по странствовал немного по белу свету. Задержался... на восемь лет!

А началось все с того, что Аполлон умертвил «нежной стрелой» [2а. III, 280] кормчего с корабля Менелая. Аполлон – бог солнечного света, его золотые стрелы – это солнечные лучи! Солнечный удар? Похоже на то. Погребальный обряд – очень понятная и уважаемая причина, чтобы отстать от всех. Тут-то и начинается буря. А покойный, кстати, не знал себе равных в управлении кораблями во время бури [2. III, 283—284]! И без него напарываются на скалу – один за другим – **пятьдесят пять из шестидесяти** спартанских кораблей! **На одну и ту же скалу** у берегов Крита [2. III, 288—300]!

И занесла Менелая эта буря, в конечном счете... в Египет! А оттуда он уже возвратился (с Еленой) домой...

Но почему через восемь лет!? На пяти кораблях, забитых, кстати, золотом непонятного происхождения!?

Сам Менелай замечает между прочим, что кроме Египта побывал на Кипре, в Финикии, Сидоне, Эфиопии, Ливии и у загадочных эрембов [2. IV, 83—85].

Так, где же была Елена на самом деле? Может, действительно, была спрятана Менелаем от посторонних глаз подальше? А кого же тогда подсунули Парису? Кого он увез в Трою?

Смазливую служанку-рабыню? Видимо, да.

И за кого только десять лет старательно истребляли друг друга самыми разнообразными способами, доступными в то время, греки и троянцы?!

Словом, не была ли вся эта история хорошо ПРОДУМАННОЙ ПРОВОКАЦИЕЙ со стороны Менелая и его сподвижников? Не были ли события, описанные Гомером, на самом деле ТЕАТРАЛЬНОЙ ПОСТАНОВКОЙ с целью напасть на Троию и как следует поживиться ее РЕАЛЬНЫМИ богатствами?

При этом вполне понятны как искренний энтузиазм греческих героев, дружными рядами ринувшихся на защиту чести и достоинства собрата, так и их готовность поверить словам Менелая, закрывая глаза на любые нестыковки. Ведь у них были свои причины желать этой войны.

Ну, во-первых, ДОБЫЧА, которую сулит богатая Троя.

А во-вторых... Мы уже упоминали про необходимость для *героя* совершать подвиги. Так вот, если вдуматься, то мало кто из персонажей «Илиады» прославился за пределами Трои. То есть все их подвиги, а также титулы, типа: «могучий герой», «отважный воин», «неустршимый сокрушитель врагов» и т.д., и т.п., были получены именно там, под стенами Илиона. Без этой войны многие *герои* так и остались бы мало кому известными местечковыми «мачо».

Опять же – данная героями клятва – помогать и защищать в случае какой-либо беды... Так предусмотрительно *заранее* данная клятва...

5. Как мы предположения строили

Попробуем дать СВОЮ версию событий, предшествовавших Троянской войне. Начнем со сватовства к Елене Спартанской. Крайне странно поведение спартанского царя. Зная характер своей дочери, ее наивность и умение находить приключения (хорошо, если только по малолетству!) – предоставить ей самой выбрать мужа?! Тиндарей был для этого слишком хорошим политиком. Он процарствовал в Спарте много лет. И не потому, что там не было интриг! В самом начале своего царствования он был изгнан из Спарты своим младшим братом, долго скитался по чужбине, добравшись аж до Этолии, где женился на местной царевне Леде. Вступив в союз с самим Гераклом, вернул с его помощью себе спартанский трон [5. III. X, 5]. Ну, не мог он, будучи в здравом уме, отдать на волю молоденькой легкомысленной девушки такой важный политический вопрос, как династический брак! К тому же настораживает, что это произошло сразу после разговора с Одиссеем!

Очень подозрительно слишком быстрое возвышение микенских братьев-беглецов, плотное опутывание спартанского царя «родственными» узами, восстановление их власти в Микенах и, под конец, ДАРЕНИЕ им власти над собственным царством в ущерб родным сыновьям, которые не просто не хуже других, но являются прославленными и (что очень важно для правителей!) популярными героями. Воистину сынами Зевса-громовержца – Диоскурами!

Так, может быть, эти «сыны Зевса», герои ВСЕЙ Эллады были ВЫШЕ спартанского трона? Потому и пропадали все время в поисках подвигов? С трудом верится! Аполлодор придерживается распространенного мнения, что Тиндарей сделал наследником Менелая только ПОСЛЕ СМЕРТИ своих сыновей [5. III. XI, 2]. Однако и он признает, что старый царь полностью сложил с себя власть ДО БЕГСТВА Елены с Парисом [Там же. Эпитома. II, 16 – III, 1]. А вот гомеровской Елене, которая с волнением высматривает своих братьев с троянской стены, почему-то об их смерти неизвестно [1. III, 236—244]. Выбираем Гомера! Несомненно, Диоскуры были живы, когда Тиндарей передал престол Менелая.

Вспомним: только лишь для того, чтобы восстановить Агамемнона на троне Микен, Тиндарей выступает против собственных зятя и дочери. Более того, спокойно мирится с гибелью зятя и внука от руки Агамемнона. И после всего этого отдает ему и микенский трон, и дочь? Ту самую, чьих мужа и ребенка Агамемнон только что убил?

И над всем этим грозной тенью нависла клятва, намертво связавшая руки почти всем, кто мог бы попытаться помешать столь странному ходу событий!

Объяснить происходящее можно только одним. Допустить внешнее воздействие на волю спартанского царя. Медленное, но неуклонное. Какое именно: шантаж, хитрое мошенничество, умелое внушение с подавлением воли или даже травки какие тайные использовались – сейчас гадать не имеет смысла. Не вызывает сомнений одно: КОМУ ЭТО БЫЛО ВЫГОДНО.

Скорее всего, законные наследники спартанского трона – сыновья Тиндарея, прозванные Диоскурами – были неискушенными как в дворцовых интригах, так и в «скрытых» способах воздействия. Лук да копье, меч да кулак – в этом они не знали равных. Умерщвлять их? В Спарте?! Ни в коем случае! Это ж такие знаменитости! Еще слухи ненужные пойдут. А вот ненавязчиво, но убедительно «посоветовать» им поискать приключений где-нибудь подальше... А их любимые сестренки Елена с Клитемнестрой: ежели чего – в качестве заложниц.

Но вот Менелай с Агамемноном добились своего. Тиндарей так или иначе мертв [7. 78; 16. VIII, XXXIV, 2]. Поскольку больше не нужен. У них есть власть, есть какие-никакие деньги. С начала авантюры по захвату власти над Спартой и Микенами прошло уже лет десять и, скорее всего, не без новых затей со стороны братьев. Затей не столь явных, чтобы от них остались следы в истории. Просто, не таков характер этих ребят, чтобы сидеть без дела. К тому же, как

правило, чем больше власти и денег, тем меньше их «хватает». И они разрабатывают гениальный план, позволяющий и пограбить всласть, и авторитет в масштабах всей Эллады приобрести, и при этом еще себя невинными жертвами представить.

Наивные мальчишки Парис и Эней появляются крайне вовремя: случайно или по приглашению. (Ходили слухи [23. 159, q], что незадолго до того Менелай появлялся в Трое, где и познакомился с «вновь обретенным» сыном Приама. Опытный – к тому времени – мошенник быстро вычислил слабое звено в окружении троянского царя!) Париса ловят «на живца» – красивую прислужницу-рабыню (последнее важно: она должна всецело зависеть от Менелая). Очень вкусная приманка! Ясно одно: и Парис, и Эней, и вся команда их корабля твердо знали – это НЕ ЕЛЕНА СПАРТАНСКАЯ. Последнюю они часто могли видеть с Менелаем. Да, конечно, издали есть что-то похожее. Но не Елена! Они, конечно, наивны, но не полные идиоты, чтобы уводить жену у самого Менелая!

Приманка ДОЛЖНА БЫЛА обладать привлекательной внешностью. Возможно, служанка была даже красивее Елены, но только красоту прислужниц никто на весь мир прославлять не будет, а то вдруг хозяек своих затмят. Но, даже если не так, если молодая женщина обладала привлекательной, но в целом обычной внешностью: могли ли окружающие, не видевшие Елену или видевшие только издали, принять рабыню-служанку за прекрасную царицу? Вполне. Магия рекламы! Все дело в пропиаренной красоте Елены. Мол, «раз все вокруг говорят, что неземная красавица, то, значит, так оно и есть. А если я такой уж неземной красоты не вижу, то, стало быть, чего-то не понимаю».

К тому же она и ДОЛЖНА БЫЛА внешне напоминать Елену. А остальное довершил искусный грим...

И не было никакого бегства, не было ограбления! Было спокойное отплытие домой, в Трою. Ну, приглянулась Парису красивая служанка-рабыня. Ну, подарил ему ее щедрый Менелай перед тем, как «вынужден» был срочно уехать на Крит.

Спартиаты исправно несли свою службу. Воинский долг был для них священным. Клятва, присяга – обязательными к исполнению. Не могла охрана царского дворца столь позорно не выполнить свои обязанности, позволить мальчишкам-троянцам умыкнуть царскую жену и царские сокровища! Как не могла эта охрана ВСЯ участвовать в спектакле Менелая. Стражу использовали «втемную». И единственное объяснение поведению охраны: НЕ БЫЛО БЕГСТВА троянцев и не было с ними НИ ЕЛЕНЫ, НИ СОКРОВИЩ. Попробуем представить: Парис, Эней и вся их команда, сгибаясь под тяжестью корзин, мешков и ящиков, пыхтя, сопя и обливаясь потом, шествуют на корабль. Возможно – не один раз. А беспечные спартанские воины с улыбкой наблюдают это представление. Наиболее услужливые помогают донести сокровища. «Что грузите?» – «Казну вашу украли...» – «Шутник!» Можно, конечно, предположить, что сама Елена Прекрасная отдала приказ: «Пропустить!» Но тогда это не бегство! Это законная спартанская царица пожелала куда-то отбыть! «А тебе что за дело до того, Менелай, беглый микенский царевич, муж нашей Елены?» Не проходит такое предположение! Неожиданное появление Менелая и его еще более неожиданное заявление, что троянцы УКРАЛИ из-под носа у опытных воинов и царицу, и сокровища, были для спартанцев как гром среди ясного неба. Именно «украли нашу Елену», а не «Елена сама пожелала отбыть, с вещами». И сам Гомер не раз отмечает, что спартанцы отправились под Трою **спасать** свою царицу [1. II, 161, 356, 589]. Так что не отдавала Елена приказов! Иначе, какое же это похищение!

Скорее всего, к тому времени уже отправил Менелай настоящую Елену к своему подельнику, простите... деловому партнеру – правителю Египта Протею. А с ней и спартанскую казну, пусть и невелика. Отправил Менелай ту и другую с надежными людьми. Да, видно, проболтался кто-то из них – и пошел гулять слух о призраке Елены!

А может, все было еще проще – и гениальнее! Менелай попросил тайно отвезти незнакомку с небольшим грузом в Египет... самого Париса! Мог ли тот отказать Менелаю, да еще

после такого подарка – прелестной рабыни! А в Египте двое слуг таинственной незнакомки сбежали и... Дальнейшее мы уже знаем.

Ну, а пока – с пустотой царицыной светлицы и дворцовой сокровищницы не поспоришь. К тому же смутно вспоминалось спартанским стражникам, что – да, чем-то рабыня рядом с троянскими негодьями напоминала Елену. Чувство вины в сочетании с ненавистью к троянцам составило чудесный коктейль – великолепный стимул для воинской отваги. Целых шестьдесят кораблей спартанских воинов, желающих спасти Елену, набралось [1. II, 581—590]. Кстати, «стимул» – это изначально палка-погонялка для быков.

Аполлодор довольно подробно описывает путешествие Париса (Александра) в Спарту и обратно, сравнивает разные версии, даже упоминает корабеля Ферекла, построившего его **корабль** [5. Эпитома. III, 1]. Поэтому мы не сразу обратили внимание на место в «Илиаде», где предводитель троянского войска Гектор размышляет, не отдать ли ахейцам «все совершенно богатства», что Парис привез в Илион на своих **кораблях** [1. XXII, 111—121]. То есть кораблей было по меньшей мере два! Но... сенсации не состоялось! Что-то насторожило нас в том, что Гектор хотел вдобавок отдать ахейцам под честное слово старейшин города все троянское золото. Если старейшины **отдают** золото, в чем они должны клясться!? Такое возможно лишь в одном случае: если золота заведомо не хватает и нужна клятва, что это всё имеющееся пока в наличии золото, но они обещают... Трое не хватает золота?! В размере спартанской казны?! Конечно, можно все списать на войну, на разграбление окрестностей Трои ахейцами. Окрестностей! В сам укрепленный город с начала войны золото должно было стекаться, как раз, чтобы уберечься от разграбления. Никто и мысли не допускал, что ахейцы сумеют захватить город!

Поэтому мы решили обратиться к Гомеру. Оказалось, Гектор хотел отдать золото Трои не вместе, а вместо сокровищ, *«стольких же в точности, как в СЛУХАХ об Александре [Парисе], корабли с полными трюмами приведшем в Трою»* (*«παντα μάλ ΟΣΣΑ τ Αλεξανδρος κοιλης εν νηυσιν ηγαγετο Τροιηνδ»*) [3. χ, 115—116], перевод наш, при всем уважении к Николаю Гнедичу, переводчику «Илиады»). ЭТО СКОЛЬКО ЖЕ ЗОЛОТА ПО СЛУХАМ УКРАЛ У СПАРТАНЦЕВ ПАРИС?!! И, судя по всему, на переговорах Менелай с Одиссеем требовали с троянцев эту сумму! Один из приемов ведения финансовых переговоров: «Требуй больше, вдруг получишь!» Прием имеет в русском языке красивое греческое название «понт».

Кстати, какое-то неегипетское имя у менелаева фараона. А очень даже греческое – Протей (Προτευσ). Буквально мы бы перевели как «раньше тебя» (προ τευς). Можно, конечно, перевести и как «древнейший». И даже сгоряча отождествить фараона с древним морским богом Протеем, известным своей изменчивостью (тот и без волшебной палочки во что хочешь превратиться мог). Но свое прозвище среди греков ушлый египетский правитель, скорее всего, получил не за древность, а за другие качества. Что-то вроде «наш пострел везде поспел!»

А как же на самом деле звали этого фараона, «спасшего» Елену от Париса? Попробуем это выяснить. С учетом «новейших» данных о возвращении Одиссея получаем год «бегства» Париса из Спарты – 1208 до новой эры. Даже с учетом различий в оценках археологов этот год в любом случае приходится на царствование Мернептаха. Таким образом, наш Протей – не кто иной, как предполагаемый фараон библейского «Исхода»!

Отец его Рамзес II Великий вззошел на трон в 20 лет и правил Египтом больше 66 лет. Лет за 11—12 до смерти Рамзес стал постепенно передавать власть Мернептаху. Который, между прочим, был тринадцатым (!) сыном Рамзеса. Путь к власти часто бывает запутан, непригляден и даже противозаконен. Но обойти *двенадцать* ближе стоящих к трону претендентов! Это работа мастера! Кстати, такое постепенное «перетекание» власти ничего не напоминает? Как Тиндарей «передавал» власть над Лакедемоном Менелая! Точнее Менелай отбирал власть у него. Что Мернептах, что Менелай, изначально имея крайне мало прав на престол, вынуждены были действовать медленно, осторожно и терпеливо. Встречались ли когда-нибудь братья Атриды с Мернептахом? Вполне возможно. По крайней мере, понимают они друг друга

с полуслова. После убийства Атрея кормилица бежала с двумя его маленькими сыновьями. У Тиндарея они появляются уже взрослыми.

Теперь вспомним, как ловко Менелай с Одиссеем настроили все ахейское войско против троянцев. Они, как мы уже упоминали, сходили **вдвоем** в Трою на переговоры. **Без ненужных свидетелей.** Так что о том, **ЧТО** происходило на переговорах, в том числе и о попытке убить послов, мы (как и ахейские воины!) знаем исключительно со слов этой парочки. При этом они могли там с троянцами говорить о чем угодно. Хоть о том, что решили маленькой такой компанией («Ай, бросьте! Много ли народу на тысяче с небольшим кораблей?») отдохнуть в Египте, а сюда исключительно по пути заглянули. В любом случае греков ожидала версия об отказе троянцев отдавать Елену и сокровища. И к этому добавляется маленькая, но эмоционально насыщенная деталь: желание троянцев убить послов – еле спаслись! И – всё! Троянцы из разряда уважаемых противников переходят в разряд негодяев, для которых ни один закон не писан! И все последующие переговоры могут без страха проводиться **в присутствии любых свидетелей** по одному сценарию: любые слова троянцев объявляются ложью.

– Нет и никогда не было в Трое Елены Спартанской!

– Ложь. Мы ее в прошлый раз видели!

– В прошлый раз вы видели эту женщину. Но это не Елена, это рабыня!

– Верно! А где Елена?

– Да какая еще Елена?

– Не изворачивайтесь. Сами знаете, какая!

Ну, и дальше в том же духе...

А Парис... А что Парис? Как он мог что-то вернуть, если не было у него ни того, ни другого – ни Елены, ни сокровищ.

Одиссей с Менелаем ничем не рисковали. Они могли рассказывать что угодно! Троянцы возмущаются и отрицают? Врут подлые похитители!

Интересен еще такой эпизод троянской войны. После взятия Трои, Менелай, якобы в гневе, хотел проучить неверную супругу своим острым мечом, но... заново сраженный ее необычайной красотой, опустил оружие, вмиг снова полюбил без памяти [9. Андромаха. 625—631] и повез домой в Спарту... через Египет.

Ну, вот в такую внезапно вспыхнувшую любовь верится с трудом.

Во-первых, сколько лет было к тому времени Елене? Известно, что десять лет она прожила с Менелаем. Десять лет у греков ушло на сборы (подробнее об этих сборах на войну чуть позже). Еще десять – собственно осада Трои. Итого тридцать. Как ни крути, возраст за сорок уже. А для женщины античного мира, в отсутствие современных косметических изысков да в условиях палящего южного солнца, – возраст критический. Словом, непревзойденная красота за эти годы, скорее всего, изрядно поблекла. Так что в любовь с первого взгляда как-то не верится.

Другое дело спартанский царский трон. Ведь правителем Спарты Менелай пребывает только в качестве мужа Елены, а не по праву прямого наследования. То есть он всего лишь муж царицы, а не собственно «спартанский царь». И очень похоже, что без Елены гордые спартиаты не стали бы терпеть наглого чужака Менелая. Тогда внезапное восстановление нежных чувств вполне объяснимо. Однако возникает другой вопрос: как спартанские воины терпели Менелая без Елены десять лет под Троей. Это противоречие легко снимается, стоит лишь учесть разницу между законами мирного и военного времени, особенно ощутимую в поведении дисциплинированных, привыкших подчиняться приказу воинов. *A la guerre comme a la guerre* (на войне как на войне). К тому же они были уверены в том, что освобождают свою законную, но подло украденную троянцами царицу. Что их царица, Елена Спартанская, – рядом, за стенами Трои томится в плену.

Во-вторых, если Менелай действительно спрятал Елену в Египте, то не в его интересах было на тот момент убивать подставное лицо. Рано. Можно и убить, конечно, чтобы и вовсе спрятать концы в воду, но не в Трое на глазах у множества народа. Ведь тогда будет трудно объяснить появление настоящей Елены. Воскресла из мертвых? Наконец, как уже сказано выше, трудно предсказать, как поведут себя спартиаты в ответ на убийство женщины, которую они считают Еленой Спартанской. Даже с учетом законов военного времени. А вот в Египте, подальше от лишних глаз, вполне можно избавиться от нежелательного свидетеля аферы. По Еврипиду, кстати, «призрак» Елены возносится на небеса [9. Елена. 610—620]. Очень многозначительно.

Однако тогда, под Троей момент был действительно напряженный: на Менелая устремлены сотни горящих глаз, от него ждут эффектных, страстных поступков. Вот и разыграл Менелай «внезапно вернувшееся» чувство. И весьма вовремя уединился с «Еленой» в шатре, чтобы не разглядывали ее воины лишний раз.

Возможна и другая причина... Всегда полезно иметь запасной вариант, могла пригодиться и служанка.

Независимо от этого, Менелая требовалось оказаться в Египте, чтобы там избавиться от одной из Елен, «решить проблему призрака». В ту или другую сторону. А по пути – и от большей части чрезмерно строптивого и мало пригодного для темных делишек спартанского войска. Война-то окончена!

Задумаемся! Бывалый моряк погибает от солнечного удара?! Единственный, кто мог бы сохранить ВСЕ КОРАБЛИ в страшную бурю! О приближении которой он сам же (а кто еще?) пришел сообщить Менелая!

Наше предположение (подсказанное «египетским мифом» Геродота): что Менелай спрятал настоящую Елену и заодно спартанскую казну у своего «делового партнера» – фараона в Египте – отвечает на все вопросы.

«Своевременная» (и ни в коем случае не случайная) смерть опытного кормчего не просто дала прекрасный повод отстать от основного флота. Менелая предстояло провернуть рискованный трюк: заменить «Елену» из Трои на Елену из Египта! И чем меньше народа будет этому свидетелями, тем Менелая спать спокойней! Да и, вообще, не нравятся ему спартиаты – чем их меньше, тем лучше. Вот и направляются спартанские корабли один за другим во время ночной бури на одну и ту же скалу. «Сорок два... сорок семь... пятьдесят пять... Достаточно!» Вполне достаточно было Менелая пяти кораблей с относительно надежными людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.